

ПИСЬМА 1926–1940 ГОДОВ (публикация и комментарии Н. Ю. Костенко)

Ссылка для цитирования: Фрейденберг О. М., Жебелёв С. А. Письма 1926–1940 годов (публикация и комментарии Н. Ю. Костенко) // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 2. С. 216–225.

DOI: 10.17323/2658-5413-2021-4-2-216-225

О. М. Фрейденберг — С. А. Жебелёву

[Ленинград] 26 октября 1926 г.

Глубокоуважаемый Профессор¹!

Очень извиняюсь, что не смогу из-за внезапной перетасовки часов некоторых моих занятий быть в пятницу на возобновлении нашего семинария². Заседаний без конца, и я перегружена выше головы³. Думаю, что в ближайшем

Письма публикуются в соответствии с современными орфографическими и пунктуационными правилами, но сохранены особенности авторского стиля, за исключением явных ошибок.

¹ Такое обращение к С. А. Жебелёву для О. М. Фрейденберг не случайно, оно было довольно традиционным для дореволюционного научного сообщества, в начале 1920-х годов еще сохранявшего многие черты прежнего облика. «...профессоров мы не называли по имени отчеству. Эта фамильярность еще только начинала входить в моду. Я называла их “профессорами”», — вспоминала она позднее (Фрейденберг, 1991: 156). Такое почтительное отношение к учителям прямо связывалось у Фрейденберг с тем образом науки — «храма, святилища, монастыря духа», — который сформировался у нее в годы учебы и оставался неизменным на протяжении всей жизни.

² В занятиях, проходивших в университетском Музее древностей и продолжавшихся до 1927 года, принимали участие многие бывшие ученики Жебелёва дореволюционного выпуска — А. В. Болдырев, А. Н. Егунов, А. И. Доватур, А. Н. Миханков и др., ставшие впоследствии крупными филологами-классиками. Именно в этом семинаре сформировалось ядро АБДЕМа — кружка филологов, занимавшихся переводами греческих авторов. Позднее он же вошел в состав воссозданной в 1932 году в ЛГУ кафедры классической филологии, которую возглавила Фрейденберг. Подробнее об АБДЕМе см. (Бударагина, 2019). «За всю преподавательскую деятельность, — писал в 1928 году Жебелёв одной из участниц семинара А. И. Болтуновой-Амиранашвили, — я не помню занятий, которые бы шли так живо, весело и плодотворно, как те занятия, в которых участвовали и вы и другие ваши коллеги. Это был как бы апофеоз моей преподавательской деятельности...» (СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 171. Л. 50–50 об.).

³ В ноябре 1924 года Фрейденберг представила в Институт сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ) на публичный диспут, заменявший в условиях отмены научных степеней и званий защиту диссертаций, свою работу «Происхождение греческо-

будущем не смогу посещать семинария, пока расписание не утрясется и от части занятий я не сбегу. Увы, я в переходном университетском возрасте, когда зрелость испытывается выносливостью... и от ряда приглашений и «предложений» отказаться нет возможности. Надеюсь, вскоре Вас догнать, однако, и хочу как можно скорей. Простите за такую открытку⁴ — вечер, и это единственное, что есть в доме.

Искренно уважающая Вас О. Фрейденберг.
(СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 133. Л. 1–1 об.)

С. А. Жебелёв — О. М. Фрейденберг

[Ленинград] 8 ноября 1926 г.

Многоуважаемая Ольга Михайловна,

Ваше письмо меня обрадовало чрезвычайно⁵. Отзыв Гарнака, сдается мне, должен Вас совершенно примирить с тьяканием, да притом еще иногда из подворотни, разных наших песиков, которым до науки столько же дела, сколько нам с Вами до всякого рода мелких интрижек. Я всегда говорил Вам: нужно идти своим путем прямо, не озираясь по сторонам. Научный путь — тяжелый, но предательских ям и ухабов на нем нет⁶. А тот, кто роет нам ямы, сам же в

го романа». Защита состоялась при непосредственном содействии и поддержке Н. Я. Марра, знакомство с которым оказало значительное воздействие на научную судьбу Фрейденберг. Подробнее см. (Фрейденберг, 1988: 181–183). Она стала посещать почти все его лекции и семинары, «слушала университетские курсы палеонтологии речи и армяно-грузинской литературы и принимала систематическое участие в занятиях Яфетического института по секции «сюжета и мифа» (из «Отчета о занятиях в 1925/1926 гг. научного сотрудника 1 разряда [ИЛЯЗВ] О. М. Фрейденберг» — СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 6. Д. 489. Л. 1 об.). Пожалуй, именно увлечение личностью Марра и его яфетической теорией, а также замысел новой работы, ставшей впоследствии ее докторской диссертацией (1935) и опубликованной под названием «Поэтика сюжета и жанра» (1936), которую Жебелёв воспринял резко отрицательно, стали главным содержанием деятельности Фрейденберг в эти годы и обусловили ее уход от Жебелёва.

⁴ Письмо написано на открытке, привезенной Фрейденберг в 1911 году из Швейцарии.

⁵ Письмо в архиве Жебелёва не сохранилось.

⁶ Желание опубликовать диссертацию и тем самым закрепить приоритет своего открытия, не понятого и не принятого по разным причинам отечественными коллегами, заставило Фрейденберг после безуспешных попыток издания книги в России (с помощью двоюродного брата Б. Л. Пастернака; подробнее см. (Пастернак, 2000: 94–123)), искать возможности публикации работы за границей. «Ее арена за граница, а не Россия», — писала она дяде Л. О. Пастернаку, который и занялся судьбой работы. Для опубликования ее в немецких журналах требовался отзыв известного в научном мире специалиста. Л. О. Пастернак обратился сначала к немецкому филологу-классику Эдуарду Нордену (ход мысли Фрейденберг оказался для него «чересчур нов и фантастичен»), затем к Адольфу Гарнаку (1851–1930), крупнейшему авторитету в мировой христианистике, который дал вполне благожелательный отзыв о работе: «...я тотчас же прочел рукопись Вашей m-elle племянницы. Она убедительна, также

них рано или поздно и попадет. Хорошо было бы, если бы Nagpack пристроил Вашу работу в печати⁷. У нас, пожалуй, это можно было бы осуществить только через Яфетический Институт⁸ — другого учреждения и органа не представляю себе. Но к яфетидологии, пожалуй, «Фекла» мало подходит, так что лучше было

правильна в своем основном выводе и этим означает дальнейший шаг в литературном понимании Деяний Павла и Теклы, который близко идет к итогу» (Фрейденберг О. М. Пробег жизни. Тетр. 7 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 155. Folder 8. [Л. 4 об.]).

⁷ Отношение Жебелёва к публикациям советских ученых за границей было неоднозначным. С одной стороны, он активно выступал за публикацию научных достижений на русском языке и в отечественных изданиях (подробнее см. (Ананьев, Бухарин, 2020: 758–762)), с другой — прекрасно понимая, что на родине возможности печати и ее качество сильно ограничены, считал естественным публикацию там, где это уместно и возможно. Так, он в письме к своей ученице Болтуновой от 18 апреля 1930 года советует ей послать статью в немецкий журнал, хотя он мог бы пристроить ее в «Докладах академии наук», но там очень дорожат местом и печатают на скверной бумаге, тогда как в немецком журнале статью о неизвестном ранее памятнике наверняка опубликуют, а в письме от 19 мая рассуждает, в каком французском журнале ее статью может напечатать известный французский археолог Эдмон Потье (1855–1934) (Архив О. М. Фрейденберг, Москва. Письма С. А. Жебелёва А. И. Болтуновой-Амиранашвили (копии). С. 76, 81). В другом случае, поздравляя свою ученицу М. И. Максимову с выходом книги в соавторстве с тем же Потье во французском издательстве, с удовлетворением, как и в случае с Фрейденберг, отмечает признание ее заслуг мировым авторитетом в археологии: «Не только от души поздравляю Вас с таким чудным подарком Вам к празднику, но и душевно радуюсь тому, что среди тех “уколов”, которые точили против Вас разные людишки, мало общего с наукой имеющие, Вы получили достойную Вас аттестацию и “квалификацию” не от кого иного, как от Pottier. Видеть на обложке объединенными имена Maximova и Pottier — c’est quelque chose [это что-то (*фр.*)] в глазах тех, кто привык видеть свет только в немецком окошке. Да и вообще появление Вашей книги во французском издании для меня лично является лучом света в окружающей нас мерзости и темном царстве» (цит. по: Ананьев, Бухарин, 2020: 760, примеч. 35).

⁸ В 1921 году при Академии наук был создан Институт яфетилогических изысканий (ИЯИ) «для изучения яфетических языков первоначального заселения Европы в реликтовых чистых видах и новообразованиях скрещенных с ними типов речи, и для разработки общей теории скрещения языков» (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 169. Цит. по: Анфертьева, 2005). Институт состоял из нескольких человек под председательством Марра и первоначально располагался в одной из комнат его академической квартиры. Через год для простоты он был переименован в Яфетический институт, в дальнейшем преобразован в Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра и стал отечественным центром теоретических лингвистических исследований. В 1950 году был слит с Институтом русского языка и переведен в Москву как Институт языкознания АН СССР. На основе секторов, оставшихся в Ленинграде, было образовано Ленинградское отделение Института языкознания, ставшее преемником Института лингвистических исследований. В описываемое время Яфетический институт был одним из немногих научных учреждений, дающих возможность публикации. В письме к другой своей ученице, А. И. Болтуновой-Амиранашвили, от 26 июня 1926 года Жебелёв отмечал: «Печатать, конечно, ничего не могу. У нас имеют возможность печататься только яфетидологи, восточники и отчасти русские словесники» (Архив О. М. Фрейденберг, Москва. Письма С. А. Жебелёва А. И. Болтуновой-Амиранашвили (копии). С. 14–15).

бы налечь на Гарнака⁹. Ему стоит только сказать: «Imprimatur»¹⁰, и все журналы откроют свои двери, ибо у немцев, да и везде, пожалуй, Гарнак — Jupiter optimus Maximus¹¹.

Еще раз поздравляю Вас, а чрез Вас поздравляю и себя. Теперь это не так-то часто случается, а потому и приятно.

Преданный Вам С. Жебелев.
(Архив О. М. Фрейденберг, Москва)

С. А. Жебелёв — О. М. Фрейденберг

[Ленинград] 16 сентября 1927 г.

Дорогая Ольга Михайловна,

сегодня при кратком нашем свидании я не успел да, пожалуй, и не захотел бы в присутствии других высказать Вам большую радость по поводу появления Вашей первой печатной работы¹². Делаю это теперь и от души желаю, чтобы за первой последовало много-много других, таких же интересных и содержательных, как Ваш первенец. Мы с Вами старые друзья, и Вы знаете, что я все что угодно, только не комплиментщик. В «Thamyris» я предпочел бы только одно — чтобы скифская царица превратилась в Thamyris не у римлян, а у греков. Юстин эпитомировал Трога Помпея, а последний компилировал исключительно греческие источники: Эфора, Теопомпа, Тимея etc¹³. Впрочем, это та-

⁹ Несмотря на совет Жебелёва, Фрейденберг отправила статью в немецкий журнал без рекомендации Гарнака. Она могла легко написать ругательное письмо нарккому Луначарскому (Фрейденберг О. М. Пробег жизни. Тетр. 6 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 155. Folder 7. [Л. 38 об. — 39.]), на плохом английском «дать выражение чувству сопонимания» в письме к философу Шпенглеру (Флейшман, Костенко, 2017: 33; Брагинская, 2019: 166–167), но просить рекомендацию у немецкого ученого, равно как и у своих собственных учителей, не могла. Без рекомендации статья не была принята немецким журналом. «На прекрасной бумаге, “интеллигентно” мне было отказано в напечатаньи, так как вопрос о Фекле считался после статьи Радермахера «Ипполит и Текла» [(Radermacher, 1916) — Н. К.] разрешенным» (Фрейденберг О. М. Пробег жизни. Тетр. 7 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 155. Folder 8. [Л. 8.]).

¹⁰ Пусть печатается (*лат.*) — формула цензурного разрешения на публикацию книги.

¹¹ Юпитер всеблагий, всемогущий (*лат.*)

¹² Имеется в виду статья Фрейденберг о семантике имени Фамиринд (Тамирис), развивающая положения дипломной работы и позднее диссертации «Происхождение греческого романа» (Фрейденберг, 1927).

¹³ Речь идет о фразе Фрейденберг в вышеназванной статье «наша скифская царица превращается у римлян в Thamyris (Just. I 8)» (Фрейденберг, 1927: 80). Она здесь ссылается на «Эпитуму [краткое изложение. — Н. К.] сочинения Помпея Трога “История Филиппа”» римского историка Марка Юниана Юстина (II–III в. н. э.). Гней Помпей Трог — римский историк I века н. э., его главный труд «История Филиппа» в 44 книгах, в работе над которым он использовал тексты

кая мелочь, что я о ней упоминаю просто из свойственной мне придирчивости (особливой) к тем, кто делает мне честь и удовольствие, называя своим учителем.

Преданный Вам С. Жебелев.
(Архив О. М. Фрейденберг, Москва)

С. А. Жебелёв — О. М. Фрейденберг

Ленинград. 15 сентября 1929 г.

Дорогая Ольга Михайловна,

очень Вас благодарю за Вашу статью, которую читал с большим интересом. Стоя далеко от разработки тех вопросов, которыми интересуетесь Вы, я и не рискну сказать что-либо о результатах, но одно я оценил вполне и, думаю, правильно: Вы великолепно овладели тем, что можно назвать ученою техникою, и это для ученого является настоятельной необходимостью¹⁴.

Преданный Вам С. Жебелев.
(Архив О. М. Фрейденберг, Москва)

своих греческих предшественников — Эфора, Феопомпа (Теопомпа), Тимея и др., — практически не сохранился.

¹⁴ Речь идет о статье «Сюжетная семантика “Одиссеи”» (Фрейденберг, 1929). Она представляла собой экстракт большой работы 1922 года и была опубликована благодаря тому, что Фрейденберг здесь шла в русле яфетической теории, приходя к выводам в области анализа сюжета, аналогичным анализу имен в статье Марра «‘Смерть’ — ‘преисподняя’ в Месопотамско-Эгейском мире» (Марр, 1924). Это, в свою очередь, вызывало раздражение Жебелёва, который очень неодобрительно относился к увлечению своих учеников яфетидологией. Поэтому в письме к Болтуновой-Амиранашвили от 22 октября 1929 года Жебелёв об этой статье писал: «Лучше научиться читать эстампажи, чем писать — строго между нами — такие статьи, как “первобытное мышление” Р. В. Шмидт (действительно, первобытно) или О. М. Фрейденберг (ничего понять нельзя, хотя с технической стороны сделано ловко, о чем я ей и написал)» (Архив О. М. Фрейденберг, Москва. Письма С. А. Жебелёва А. И. Болтуновой-Амиранашвили. С. 67). Работа над «Одиссеей» велась параллельно с «Происхождением греческого романа», и их объединял общий принцип исследования: «Хотя этюд о Фамириде был моей первой научной работой, но первой была и работа об Одиссее. Она шла как-то вкось и от моих основных занятий, и от будущего. Моя мысль пробовала себя. Еще не веря в греческий роман и не предвидя его значенья, я задержалась на Гомере. Тогда я не знала, что буду откликаться на все, с чем столкнется мое научное впечатленье. Способность удивляться, создающая творца, родилась у меня именно над “Одиссеей”. Вот почему это и была моя первая научная работа в настоящем смысле. <...> Ища жанрового объяснения романа (“почему Фекла — роман?”), я занималась Одиссеей. Меня поразили восточные аналогии. <...> В “Одиссее” мой внутренний глаз неожиданно стал видеть тавтологию мотивов. Но то, что наиболее изумило меня какой-то математической достоверностью, заключалось в законах композиции сюжета (а то и целого жанра): достаточно узнать композицию, чтоб узнать содержание. Что же это такое? — спрашивала я себя. Но ответить не могла» (Фрейденберг О. М. Пробег жизни. Тетр. 5 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 155. Folder 6. [Л. 11–12.]).

О. М. Фрейденберг — С. А. Жебелёву

[Ленинград] 23 декабря 1940 г.

Глубокоуважаемый Сергей Александрович!

Позвольте сердечно Вас поздравить с пятидесятилетием Вашей широкой научной деятельности. Я очень огорчена, что не могла 21-го приветствовать Вас от нашей кафедры в Ученом Совете ЛГУ. А ведь именно наша кафедра должна быть Вам наиболее благодарна, п[отому] ч[то] она почти вся сплошь состоит из Ваших прямых учеников, и Вы еще сверх того оказали честь работать именно на ней и вывели целое поколение молодых знающих грецистов.

Я не могла быть в Совете по очень ничтожной, хотя и «уважительной», причине: и у моей матери, и у меня — грипп, а 21-го я никак не в состоянии была выйти.

От товарищей я знаю, что многочисленные чествования Вас проходят прекрасно, и я сердечно радуюсь, что добродетель торжествует не в одних сказках.

Думая о Вас и вспоминая в эти дни наши былые блаженные годы в холодном и пустом Университете, сопоставляя ту обстановку (и последующую) с нынешней, я поражаюсь, какая жизнь странная штука и как ничто не пропадает в ней даром, вопреки шумихе, глупости и злобе тех, кто кривляется на балаганных подмостках ради ломаного гроша. А ведь торжествует только в конце концов добродетель, и высокое отношение к труду никогда жизнью не забывается.

Говорить торжественные приветствия я не мастерица, да и не охотница. Все уже Вам сказано не одним, а многими поколениями. Позвольте Вас поблагодарить за годы моего ученичества и за нерасторжимую духовную связь, святее которой нет в жизни ничего. Простите меня, что пошла иными путями и интересами, нежели Ваши другие ученики. Но это не значит, что моя признательность к Вам менее глубока, чем у Ваших «законных детей» и «наследников». Я боюсь преувеличения, но мне кажется, что мои корни, лежащие в Вас как в учителе, особенно глубоки и что я получила *curriculum vitae*¹⁵ с меньшей долей узаконенного счастья, с большими огорчениями и разочарованием.

Вашей ученой деятельности столько лет, сколько всей моей жизни в целом. И мне кажется, что вся она целиком и укладывается, как маленький ящик в большой, в Вашу любовь к честной науке и к строгому труду.

Спасибо Вам! С благодарностью целую Вашу руку, благо это не в быту, а в сердце.

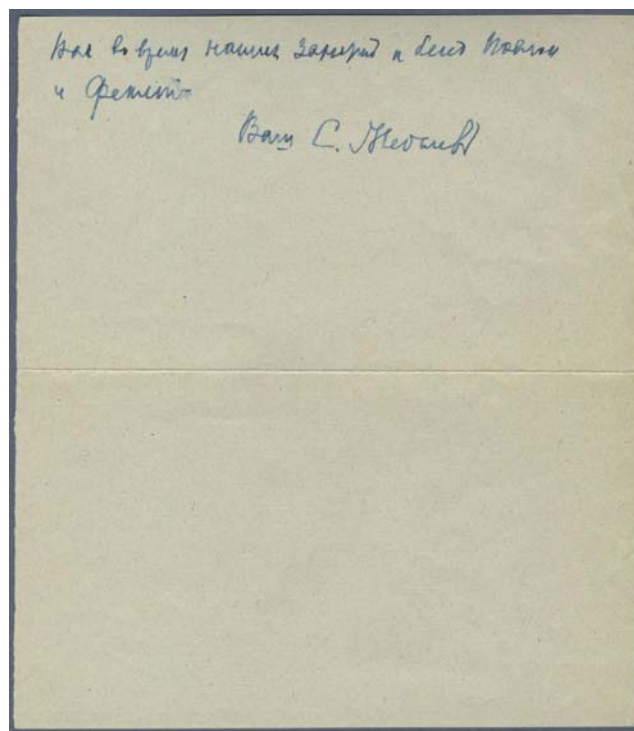
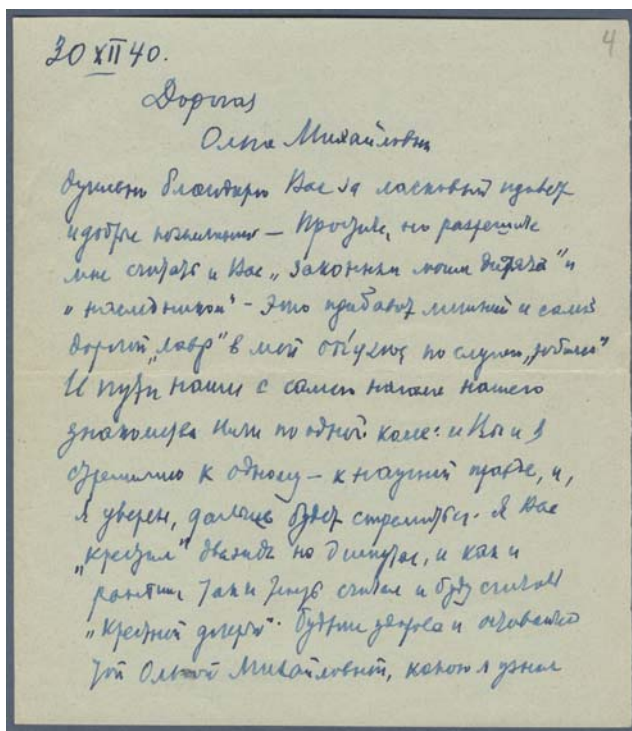
Ваша О. Фрейденберг.

(СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 133. Л. 2–3 об.)

¹⁵ Путь жизни, краткая биография (лат.)

С. А. Жебелёв — О. М. Фрейденберг

Ленинград. 30 декабря 1940 г.

Дорогая Ольга Михайловна,
душевно благодарю Вас за ласковый привет и добрые пожелания — простите, но разрешите мне считать и Вас «законным моим дитятей» и «наследником» — это прибавит лишний и самый дорогой «лавр» в мой $\sigma\tau\acute{\epsilon}\phi\alpha\nu\omicron\varsigma$ ¹⁶ по случаю «юбилея». И пути наши с самого начала знакомства шли по одной колее: и Вы, и я стремились к одному — к научной правде, и, я уверен, дальше будем стремиться. Я Вас «крестил» дважды на диспутах, и, как и раньше, так и теперь, считал и буду считать «крестной дочерью»¹⁷. Будьте здорова и оставайтесь той Ольгой Михайловной, какую я узнал Вас во время наших занятий и бесед Павлом и Феклой.

Ваш С. Жебелев
(Архив О. М. Фрейденберг, Москва)

¹⁶ Венок (греч.)

¹⁷ Жебелёв как руководитель выступал с отзывом на защите первой диссертации Фрейденберг «Происхождение греческого романа» (1924) и как оппонент на защите ее докторской диссертации «Поэтика сюжета и жанра» (1935).

Литература

Ананьев, Бухарин, 2020 — Ананьев В. Г., Бухарин М. Д. С. А. Жебелёв в системе советской науки (по материалам новых архивных документов). Часть II. 1927–1932 // Вестн. древней истории. 2020. Т. 80, № 3. С. 753–774. DOI: 10.31857/S032103910010641-8.

Анфертьева, 2005 — Анфертьева А. Н. Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра АН СССР (ныне Институт лингвистических исследований РАН) во время войны и блокады // Лингвистика в годы войны: люди, судьбы, свершения: Материалы всероссийской конференции, посвященной 60-летию победы в Великой Отечественной войне / ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2005. С. 5–51.

Брагинская, 2019 — Брагинская Н. В. Друзья, университет, учителя, коллеги, наука, жизнь в общем в письмах Ольги Михайловны Фрейденберг // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2019. Т. 2, № 2. С. 159–171. DOI: 10.17323/2658-5413-2019-2-2-159-171.

Костенко, Флейшман, публ., 2017 — Костенко Н. Ю., Флейшман Л. С. Из семейной переписки Пастернаков. Письма О. М. и А. О. Фрейденберг к родным в Германии // Новое о Пастернаках: материалы Пастернаковской конференции 2015 года в Стэнфорде / под ред. Лазаря Флейшмана. М.: Азбуковник, 2017. С. 21–155.

Марр, 1924 — Марр Н. Я. 'Смерть' — 'преисподняя' в Месопотамско-Эгейском мире // Доклады академии наук. 1924. С. 12–14.

Пастернак, 2000 — Пастернак Б. Л. Пожизненная привязанность: переписка с О. М. Фрейденберг / [сост. Е. В. Пастернак, Е. Б. Пастернак]. М.: АРТ-ФЛЕКС, 2000. 414 с.

Фрейденберг, 1927 — Фрейденберг О. М. *Thamyris* // Яфетический сборник. 1927. Т. 5. С. 72–81.

Фрейденберг, 1929 — Фрейденберг О. М. Сюжетная семантика «Одиссеи» // Язык и литература. 1929. Т. 4. С. 59–74.

Фрейденберг, 1988 — Фрейденберг О. М. Воспоминания о Н. Я. Марре / предисл. И. М. Дьяконова; публ. и примеч. Н. В. Брагинской // Восток–Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М.: Наука, 1988. С. 181–204.

Фрейденберг, 1991 — Фрейденберг О. М. Университетские годы / публ. и коммент. Н. В. Брагинской // Человек. 1991. № 3. С. 145–156.

Radermacher, 1916 — Radermacher L. Hippolytus und Thekla. Wien: Alfred Hölder, 1916.

Архивы

Архив О. М. Фрейденберг, Москва;
СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН;
Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers.

© Костенко Н. Ю.,
Институт высших гуманитарных исследований им. Е. И. Мелетинского,
Российский государственный гуманитарный университет,
публикация и комментарии, 2021

LETTERS 1926–1940

(Publication and Comments by N. Iu. Kostenko)

For citation: Freidenberg, O.M., Zhebelev, S.A., 2021. 'Letters 1926–1940 (Publication and Comments by N.Iu. Kostenko)', *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 4(2), pp. 216–225. (In Russ.)

DOI: 10.17323/2658-5413-2021-4-2-216-225

References

Ananiev, V.G., Bukharin, M.D., 2020. 'S.A. Zhebelev v sisteme sovetskoï nauki (po materialam novykh arkhivnykh dokumentov). Chast' II. 1927–1932' ['S.A. Zhebelev in the System of Soviet Science (Based on New Archival Findings). Part II. 1927–1932'], *Vestnik drevnei istorii*, 80(3), pp. 753–774. doi: 10.31857/S032103910010641-8

Anfert'eva, A.N., 2005. 'Institut yazyka i myshleniya im. N.Ya. Marra AN SSSR (nyne Institut lingvisticheskikh issledovaniï RAN) vo vremya voiny i blokady' ['N.Ya. Marr Institute of Language and Thought of the Academy of Sciences of the USSR (now the Institute of Linguistic Studies, RAS) during the War and the Siege'], in Kazanskii, N.N. (ed.) *Lingvistika v gody voiny: lyudi, sud'by, sversheniya: Materialy vserossiiskoi konferentsii, posvyashchennoi 60-letiyu pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine* [Linguistics during the War: People, Destinies, Achievements: Materials of the All-Russian Conference dedicated to the 60th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War]. St. Petersburg: Nauka Publ, pp. 5–51.

Braginskaya, N.V., 2019. 'Druz'ya, universitet, uchitelya, kollegi, nauka, zhizn' v obshchem v pis'makh Ol'gi Mikhailovny Freidenberg' ['Friends, University, Teachers, Colleagues, Science — Life in toto in the Letters by Olga Michailovna Freidenberg'], *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 2(2), pp. 159–171. doi: 10.17323/2658-5413-2019-2-2-159-171

Freidenberg, O.M., 1927. ‘Thamyris’, *Yafeticheskiy sbornik*, vol. 5, pp. 72–81. (In Russ.)

Freidenberg, O.M., 1929. ‘Syuzhetnaya semantika “Odisei”’ [‘The Story Semantics of the “Odyssey”’], *Yazyk i literatura*, vol. 4, pp. 59–74.

Freidenberg, O.M., 1988. ‘Vospominaniya o N.Ya. Marr’ [‘Memories on N.Ya. Marr’], preface by I.M. Diakonov; publication and notes by N.V. Braginskaya, in *Vostok–Zapad: Issledovaniya. Perevody. Publikacii* [East–West: Studies. Translations. Publications]. Moscow: Nauka Publ., pp. 181–204.

Freidenberg, O.M., 1991. ‘Universitetskie gody’ [‘University Years’], publication and comments by N.V. Braginskaya, *Chelovek*, 3, pp. 145–156.

Kostenko, N.Yu., Fleishman, L.S. (eds), 2017. ‘Iz semeinoi perepiski Pasternakov. Pis’ma O.M. i A.O. Freidenberg k rodnym v Germanii’ [‘From the Pasternaks’ family correspondence. Letters by O.M. and A.O. Freidenberg to relatives in Germany’], in Fleishman, L. (ed.) *Novoe o Pasternakakh: materialy Pasternakovskoi konferentsii 2015 goda v Stenforde* [New about Pasternaks: Proceedings of the Pasternak Conference 2015 in Stanford]. Moscow: Azbukovnik Publ., pp. 21–155.

Marr, N.Ya., 1924. “Smert” — ‘preispodnyaya’ v Mesopotamsko-Egeiskom mire’ [‘Death’ — ‘underworld’ in the Mesopotamian-Aegean world’], *Doklady akademii nauk*, pp. 12–14.

Pasternak, B.L., 2000. *Pozhiznennaya privyazannost’: perepiska s O.M. Freidenberg* [A lifelong affection: Correspondence with O.M. Freidenberg]. Compilation by E.V. Pasternak, E.B. Pasternak. Moscow: Art-Fleks Publ.

Radermacher, L., 1916. *Hippolytus und Thekla* [Hippolytus and Thecla]. Wien: Alfred Hölder Publ.

© Kostenko, N. Iu.,

The E. M. Meletinsky Institute of Higher Studies in the Humanities,
Russian State University for the Humanities,
Publication and Comments, 2021